

— Ты просто ужасен, как можно так прямо просить подарок? — сказал Гу Чуньлай, но при этом открыл дверцу тумбочки, достал оттуда квадратную коробку, обтянутую белым атласом, и бросил её Сяо Жофэю. — Вот, твой подарок на день рождения. Ты сейчас просишь, потому что боишься, что позже будешь так потрясён, что не сможешь сдержать эмоции?

Сяо Жофэй, которого разоблачили, почувствовал лёгкую досаду, но всё же с нетерпением ждал подарка от Гу Чуньлая.

По виду коробки было понятно, что внутри что-то из ювелирных украшений. Гу Чуньлай всё ещё ворочался под одеялом, шевеля пальцами ног, что говорило о том, что подарок, скорее всего, дорогой.

— Неужели это бриллианты? — предположил Сяо Жофэй, но, увидев, как Гу Чуньлай сник, быстро поправился. — Может, ты сам мне его наденешь? Я не буду смотреть, пусть это будет твой сюрприз.

Его голос постепенно стих, и Сяо Жофэй закрыл глаза.

Почему-то в сердце Гу Чуньлая словно разбились несколько конфет с начинкой, сладкий сироп и хрустящие кусочки сахара рассыпались, превратившись в мёд, который разлился по всему телу. Он взял коробку, открыл её, и внутри на белом бархате сверкали пара запонок с чёрными бриллиантами.

С тех пор как Гу Чуньлай увидел фотографию Сяо Жофэя на кинофестивале в городе Т, этот образ не выходил у него из головы. Красная верёвка, кожа, слегка поблёкшая под светом софитов, и бриллианты, темнее самой ночи. Этот человек, должно быть, был легендарным Эндимионом, перед которым склонялась бы даже богиня Луны.

Он взял руку Сяо Жофэя и осторожно прикрепил запонки к его рубашке. Закончив, он спросил:

— Нравятся? Подходят к твоему стилю?

Сяо Жофэй не ответил.

Гу Чуньлай присмотрелся и увидел, что тот сидит на краю кровати и спит.

Гу Чуньлай хотел засмеяться, но, подумав, понял, что смеяться ему не хочется.

Он не знал, что произошло с Сяо Жофэем в городе Т, почему ему пришлось работать всю ночь, почему он вернулся раньше и зачем встречался с тем пугающим мистером Тянь. Он был на пределе сил, но всё равно заботился о нём...

Размышляя об этом, Гу Чуньлай почувствовал, как в его сладкий мёд упали два плоских белых миндаля, горьких и терпких.

Он хотел уложить Сяо Жофэя на кровать или самому перелечь на другую сторону, но тот крепко держался за его пижаму, и любое движение могло разбудить его.

Гу Чуньлай слегка наклонился, но спина снова начала протестовать. Он упёрся рукой, чтобы не упасть, и наклонился ещё ниже.

Сяо Жофэй спал крепко, его лицо было расслаблено, рот слегка приоткрыт, виднелись верхние клыки.

За все эти годы клыки Сяо Жофэя не изменились. Гу Чуньлай давно задавался вопросом, не больно ли тому говорить с такими острыми зубами и не кусает ли он себя во время еды.

Не разбивает ли он губы при поцелуе.

И не разбивал ли он губы Бай Яньняня, не плакал ли тот, не просил ли Сяо Жофэя слизать кровь с его губ и снова поцеловать.

Что он вообще думает?! Гу Чуньлай ударил себя по голове, стараясь не шуметь, чтобы не разбудить Сяо Жофэя.

Но его взгляд не мог оторваться от губ Сяо Жофэя.

Спина болела так сильно, что он чувствовал раздражение, пот выступал на лбу, но он не мог остановиться. Его тело упрямо двигалось вперёд, преодолевая горы и огонь, колючки воспоминаний, кровь и тени, смеющиеся под большим деревом, пока его губы не коснулись губ Сяо Жофэя.

Любовь — это болото, из которого невозможно выбраться, если однажды в него попал.

Гу Чуньлай только сейчас осознал, что стоит в самом центре трясины, и выбраться уже слишком поздно.

Вот его реальность.

Этой ночью Гу Чуньлай спал плохо и боялся заснуть слишком крепко. Хотя боль в спине немного утихла, он всё время лежал в одной позе, не мог пошевелиться, что было настоящим мучением. К тому же рядом спал Сяо Жофэй, и любое движение могло его разбудить.

Он то засыпал, то просыпался, и, когда наконец открыл глаза, Сяо Жофэя уже не было. Постель была аккуратно заправлена, без единой складки; розовый термос, который они с Сяо Жофэем передавали друг другу, всё ещё стоял на тумбочке. Гу Чуньлай потянулся к нему, и термос был всё таким же тяжёлым, будто внутри не убавилось ни одной лапшины. Всё, что произошло вчера в ванной, на этой кровати, в его сердце, казалось сном.

Гу Чуньлай взял термос, осмотрел его и обнаружил на дне записку с неровным почерком Сяо Жофэя: [Проснулся — ешь, отдыхай, не вставай без нужды, увидимся вечером.]

Он открыл крышку, и его обдало знакомым ароматом лапши, которая вот-вот выльется наружу. Гу Чуньлай покрутил палочками, но внутри была только одна лапшина.

— Дурак, — не удержался Гу Чуньлай. — Лапша долголетия для именинника, а я кто такой?

Эту лапшину он ел целый час. Она разбухала, становилась всё толще, и к концу он даже почувствовал себя сытым.

Съев, он не знал, куда идти. У него не было съёмок в эти два дня, спина болела, так что бегать везде было нельзя. Что, если вечером на праздновании он не сможет встать и опозорится?

Раз делать больше нечего, Гу Чуньлай продолжил читать сценарий. Прочитав пару страниц, он заметил, что везде упоминается «Чжоу Сяоча в майке», и бросил сценарий. У кровати стояла гитара Чжоу Сяоча, он взял её, провёл несколько аккордов, но ничего путного не вышло, только сосед за стеной закричал, так что он бросил это дело.

Он не знал, что время может тянуться так медленно. Его друзья, помогавшие с организацией дня рождения, всё время обсуждали планы; Сяо Жофэй же, как будто включив режим орла, замечал любые странные действия и отправлял ему фотографии, спрашивая, не это ли какой-то особый сигнал.

Как будто он был двойным агентом.

Хотя он весь день почти не вставал с кровати, Гу Чуньлай чувствовал себя измотанным, как после съёмки.

Незаметно стемнело, закат окрасил небо в багрянец, и, кроме Чжан Ичэна, который принёс ему обед, больше никто не приходил.

Просидев весь день, Гу Чуньлай соскучился по улице. Наконец он получил уведомление из группы по подготовке сюрприза на день рождения, поспешно приклеил новый согревающий пластырь, взял костыль из медпункта и вышел из комнаты.

На месте съёмочная атмосфера ещё не рассеялась, Мяо Пинпин и Сяо Цаньсин всё ещё ждали указаний режиссёра под светом софитов, а Сяо Жофэй стоял возле строительных лесов, переводил взгляд с актёров на сценарий. Он был в той же одежде, что и вчера, только под пиджаком была удобная футболка, а его длинные ноги, казалось, были созданы для кадра фильма.

Гу Чуньлай на мгновение застыл, но, не успев рассмотреть его получше, был утащен Чжан Ичэном к Юй Цяньфань.

Юй Цяньфань сказала, что торт готов, осталось только дождаться, когда режиссёр объявит конец съёмки, чтобы его внести. Чжан Ичэн кивнул, всё понял, и уже собирался помочь, как вдруг Сяо Жофэй, словно обладая даром ясновидения, повернулся к ним.

Гу Чуньлай помахал рукой, и его костыль выдал его с головой.

К счастью, режиссёр спас их, вовремя крикнув:

— Конец съёмки!

Сяо Жофэй, казалось, ждал этого момента. Актрисы ещё не успели опомниться, а он уже широким шагом подошёл к Гу Чуньлаю и сказал:

— Я переоденусь, жди меня.

Это было похоже на заранее подготовленный вызов.

— Он знает? — спросила старшая сестра.

Гу Чуньлай не посмел ответить.

Через несколько минут Сяо Жофэй вернулся.

Он был в костюме, в туфлях, как будто собирался на церемонию награждения, а не на день рождения. Гу Чуньлай не мог не заметить, что он повторил образ с кинофестиваля в городе Т: на шее была та же красная верёвка, закреплённая заколкой с рубином, конец которой исчезал в том же месте на груди.

Единственное отличие — запонки с чёрными бриллиантами, сверкающие и острые.

Гу Чуньлай подумал, что этот человек, должно быть, был клинком, убивающим незаметно.

— Нравится? — спросил он, повторяя вчерашний вопрос.

— А тебе?

— Нравится.

Как будто он был богом, ради которого самые отважные воины мира готовы сражаться.

<http://bllate.org/book/15563/1415705>